

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ Н.И. ПИРОГОВА

Мурынин В.А., Глуховской В.В.*, Зубарев А.А.

ФГБУ «1472 Военно-морской клинический госпиталь»
Минобороны России», Севастополь

DOI: 10.25881/BPNMSC.2020.44.36.013

Резюме. Показана роль Н.И. Пирогова в организации медицинской помощи раненым защитникам Севастополя в Крымскую войну, отмечено значение медицинской сортировки.

Ключевые слова: Н.И. Пирогов, оборона Севастополя, медицинская помощь раненым.

«Вместе с именами других героев, защищавших Севастополь, имя Пирогова, защищавшего жизнь целых тысяч раненых воинов, имеет историческое значение. Здесь Пирогов показал себя не только великим хирургом, но и большим администратором: он внес смысл, порядок в дело помощи раненым на поле битвы.»

С.П. Боткин

Севастопольский период жизни Н.И. Пирогова неразрывно связан с его активным участием в Крымской войне. В 1853 году развязалась война между Российской империей и Турцией. В славную летопись Российского флота вошло Синопское сражение, когда русский флот, войдя в Синопскую бухту, разгромил превосходящий его по численности турецкий флот. Однако, вслед за Турцией войну России объявили Франция и Англия. Развязалась кровопролитная Крымская война, непосредственным участником которой стал академик Н.И. Пирогов. Для него это была длительная служебная командировка, инициатором которой был он сам. Узнав о большом количестве раненых на фронте, Пирогов Н.И. не без труда добивается разрешения отправиться в Крым. Первоначально военно-медицинское ведомство отказало ему в отправке в осажденный Севастополь. И, лишь лично обратившись с прошением к Великой княгине Елене Павловне, Пирогов, ради врачебной помощи русскому солдату, получает разрешение на убытие в самый центр событий Крымской войны, в Севастополь. Великая княгиня Елена Павловна оказала огромную помощь в организации командировки. При ее содействии была организована Крестовоздвиженская община сестер, руководить которой она поручила Н.И. Пирогову. В октябре 1854 года Пирогов, оставив семью в Петербурге и передав руководство клиникой в Императорской медико-хирур-

SEVASTOPOL PERIOD OF LIFE OF N.I. PIROGOV

Murynin V.A., Gluhovskoj V.V.*, Zubarev A.A.

Naval clinical hospital, Sevastopol

Abstract. The role of N.I. Pirogov in organizing medical care for the wounded defenders of Sevastopol in the Crimean war is shown, and the importance of medical sorting is noted.

Keywords: N.I. Pirogov, defense of Sevastopol, medical care for the wounded.

гической академии профессору Неммерту, выезжает в обороняющийся Севастополь.

Севастопольские лечебные учреждения встретили Н.И. Пирогова удивительным административным беспорядком, бюрократией, казнокрадством и лихоимством. Все эти явления вызвали у Пирогова резкую неприязнь и протесты. Приведем только одну выдержку из письма: «...средств нет, палаток нет, лошадей и фур мало; куда везти больных, также еще хорошо не знают; все ближайшие госпитали уже переполнены, и везде воруят и везде беспорядок по-прежнему. Генерал-штаб-доктор — пешка и только умеет поддакивать да хвалить то, что худо. В госпиталях нет ни одного лишнего матраца, нет хорошего вина и хинной корки, ни кислот... Что из всего этого хаоса точно хорошо, так это сестры милосердия... Если бы не они, так больные лакали бы вместо сытного супа помой и лежали бы в грязи». [1, стр. 59]. А вот еще одна реплика об организации массового приема раненых в марте 1855 года: «Наша администрация, как всегда, была мало подготовлена к встрече событий» [там же, стр. 200]. Обратной стороной непорядков являлись излишние страдания раненых, высокая смертность, отсутствие организации в очередности хирургической помощи и т.д.

В борьбе со всеми этими неполадками большая роль принадлежала Пирогову. Он вмешивается в организацию лечебной сети, везет с собой в Севастополь опытных хирургов, обученных медсестер, добивается развертывания коечной сети, пытается наводить элементарный порядок в хозяйственной деятельности, наводит порядок на перевязочных пунктах. Сортировка раненых при их поступлении это и есть та новая идея организации, которая стала незыблемой истиной военной медицины в последующие годы во всех армиях мира.

Опыт давался трудно. Наплывы громадного количества раненых повторялись после каждой рукопашной схватки (а оборона изобиловала такого рода эпизодами). Документы показывают, как трудно было справиться с

* e-mail: v.gluhovskoy@mail.ru

потоком раненых в Севастопольском морском госпитале после Альминского сражения. Но и позднее, и в других госпиталях, дело наладилось не сразу. Вспоминая о вылазке с Камчатского редута, когда было особенно много раненых, Пирогов пишет, что Пюббенет «...рассказывал мне про свое отчаяние... он и врачи в морском госпитале... распорядились тот час же, ночью, делать ампутации, а между тем раненых приносили все более и более и стеснили операторов до того, что им едва можно было двигаться...» [1, стр. 188].

Подытоживая опыт сортировки, Пирогов писал: «... при осаде Севастополя, невозможно было почти никогда справиться со всеми ранеными прежде 36 часов, а до введения моего порядка на перевязочных пунктах и гораздо долее. При больших бомбардировках продолжались ранние операции и в течение 48 часов» [2, стр. 119].

Результат оперативной деятельности без сортировки сказывался немедленно. Дальше в этом же письме Пирогов пишет: «... вследствие этого, целую неделю после вылазки приносили к нам, с ... пункта, вовсе не перевязанных раненых с раздробленными костями».

Выход Пирогов видел только один — соблюдение сортировки, как основного закона военной медицины.

Вопрос о частоте применения гипсовой повязки врачами, работавшими под руководством Пирогова, в документах выглядит неопределенно. Уже Н. Соловьев, писавший свои статьи по свежим следам, отметил эту неопределенность. Вот что записано у Соловьева: «Г. Дьяконов в своей докторской диссертации о неподвижных повязках, говорит, что только Н.И. Пирогов и О.И. Рудинский и употребляли в Севастополе неподвижные повязки; но это едва ли справедливо, потому что невероятно чтобы такой рациональный метод не имел тогда между нашими врачами многочисленных поклонников» [3, стр. 855]. Замечание Соловьева имеет тем более оснований, что все десять врачей, прибывших с Н.И. Пироговым, были его учениками, и несомненно учились у него не только диагностике и технике операций.

Однако сам Пирогов пишет, что «недостаток в алабастре... препятствовал употреблению моей повязки в том размере, которого она действительно заслуживала» [2, стр. 130].

О пригодности неподвижной повязки при транспортировке Пирогов пишет там же: «...я убедился на деле, что она выдерживает сырость и мокроту».

Как известно, вместе с Пироговым в Севастополь, впервые в истории русской военной медицины, прибыли сестры милосердия. Первые опыты привлечения женщин к обслуживанию больных, относятся в России к началу XVIII века. В главе 34 Устава воинского «о полевом лазарете» значится: «Тако же потребно всегда при 10 больных быти, для услужения одному здоровому солдату, и нескольким женщинам, которые оным больным служить имеют, и платье на них мыть».

В 1722 г. указом Петра I «повелено в морских госпиталях... иметь из девичьих монастырей по одной старице и

по одной помощнице ей», — в основном для исполнения хозяйственных функций. Указ действовал недолго, уже в 1725 году Екатерина I отменила его.

Затем в течение более чем столетие сведений о применении женского труда в медицине не имеется. Только в 1844 г. была создана Святотроицкая община сестер милосердия по уходу за больными. Следующая община, Крестовоздвиженская община сестер милосердия, была организована при активном участии Великой княгини Елены Павловны в 1854 г., в составе 120 человек. Она-то и прибыла в Севастополь вместе со своим руководителем, академиком Н.И. Пироговым [4, стр. 46–51].

Деятельность медсестер была организована по трем самостоятельным направлениям — работа с ранеными и больными, работа в аптеке, хозяйственная деятельность. [5, стр. 167]. В свою очередь в работе с ранеными труд медсестер применялся на всех этапах лечения — «участие в сортировке, помощь в перевязочной, уход за больными в стационаре и уход за умирающими и нетранспортабельными» [4, стр. 46–51].

Позднее, когда была налажена регулярная транспортировка раненых и больных «явилась потребность в новых услугах сестер наблюдать за больными и ранеными во время пути». Было учреждено «особое отделение сестер, под названием транспортного» [5, стр. 190].

Первые отделения медсестер по прибытии их в Севастополь по распоряжению Пирогова были направлены в главные перевязочные пункты города и лечебные точки сухопутных войск. В своем «Историческом обзоре» Пирогов пишет, что к весне 1855 г. «...только перевязочный пункт на стороне Корабельной и Морской госпиталь на Михайловской батарее, еще оставались без женского присмотра... Этот ощутительный недостаток пополнили вновь прибывшие... сестры 4-го отделения, под надзором сестры Будберг; на них была возложена обязанность ходить за ранеными, на стороне Корабельной и в Михайловской батарее» [5, стр. 169]. Об этом же пишет Е. Бакунина [6, стр. 144].

Как указывает Пирогов, непосредственно в Севастопольском морском госпитале работали медсестры Селиванова, Сапрановская, инокиня Ушакова [5, стр. 184], Стахович [5, стр. 200], и вероятно некоторые другие. «В мае ... сестры Крестовоздвиженской общины действовали на всех перевязочных пунктах и во всех лазаретах Севастополя, ухаживали за ранеными, перевязывали и снабжали их чаем, кофеем и вином» [2, стр. 148].

Таким образом, Севастопольский морской госпиталь является одним из немногих, сохранившихся до нашего времени лечебных учреждений, в котором впервые в русской армии, в большом масштабе и в боевых условиях, был применен труд медицинских сестер, — ныне, в наших условиях, являющийся основным во всех звеньях системы лечебных учреждений.

Большую роль Н.И. Пирогов сыграл и в организации транспортировки раненых и больных в тыл. История отечественной военной медицины до обороны Севастополя не имела примеров планового транспортирования больших контингентов раненых и больных на большие расстояния.

Отсутствие помещений и коечного фонда для лечения, трудности с доставкой питания, одежды, медикаментов и прочего, необходимого для лечения, вследствие отдаленности Севастополя от центральной России, — все это делало Севастополь совершенно не пригодным для развертывания госпитальной базы обороняющегося города. Была и еще одна причина — город простреливался насквозь, и жизнь была в прямой опасности. Об это сохранилось много свидетельств. Вот что пишет Пирогов: «... Неприятель не щадил притонов раненых. Из 5–6 главных перевязочных пунктов не оставалось, наконец, ни одного, который был вне выстрелов; на южной стороне города остались только два /Павловская и Николаевская батарея/, прочие /морской госпиталь, дворянское собрание и частные дома/ были разрушены бомбами» [7, стр. 25]. В «Севастопольских письмах» Пирогов писал — «Морской госпиталь, выстроенный на ... горе, очищен от раненых, в него во время бомбардировки, несмотря

на выкинутый красный флаг, летали бомбы, из которых одна упала между кроватями, лопнула, но не сделала вреда; рассказывают, как любопытный факт, что во время переноски больных падавшие на двор бомбы не повредили ни одного больного, ни одного служителя...» [1, стр. 22].

Известно, что здания Севастопольского морского госпиталя были разрушены при первой бомбардировке, что и вызвало передислокацию госпиталя на Северную сторону. Но и там он не был в безопасности. Обосновывая необходимость эвакуации раненых и больных Максуров писал в отчете: «... госпиталь в опасности слишком явной: еще до занятия Камчатского, Волынского, Селенгинского... укрепленный неприятель постоянно и бедственно действовал против Северной стороны» [8, № 412, стр. 539–541].

Идея вывода госпитального фонда из-под действия огня противника принадлежит, видимо, Пирогову. Во всяком случае, в одном из писем его, есть строки, которые позволяют сделать такой вывод: «... транспорты раненых, наконец, сделались регулярнее, я предложил уже несколько недель тому назад, еще до бомбардирования, ... не держать раненых в Севастополе, а только оказывать им здесь первое пособие и тотчас же пересылать через бухту на Северную сторону... вся надежда на транспорт, который только в последние 4 недели сделался довольно регулярным...» [9]. Правда, в только что цитированном рапорте Мансурова записано, что «... П.С. Нахимов не переставал говорить, ... что в Севастополе, и то вне огня, должен состоять только перевязочный пункт и что придет время, когда присутствие госпиталя под ядрами возбудит страшное затруднение» [8, № 412]. Но вероятно дело обстояло так, что Нахимов, обращаясь с Пироговым ежедневно, и опираясь на Пирогова, как на наибольший медицинский авторитет, воспринял идею Пирогова, как необходимость и в дальнейшем добивался ее осуществления уже как администратор.

Севастополь был связан с Симферополем проселочной дорогой, имевшей самый жалкий вид в зимний период. На всем пути следования до г. Николаева (410 км), кроме Симферополя, нигде не было никаких стационаров или просто просторных помещений, где бы можно было устроить дневку в случае ненастья. Так же не было и повозочных средств — лошадей, подвод, сена и проч. И в этих-то сложнейших условиях была организована регулярная транспортировка раненых. Подробное описание оставил нам Мансуров: «... между порядком отправления из Севастополя больных Сухопутного и Морского ведомства существует большая разница: наши отправляются ... в крытых нашими средствами повозках, по 3 или 4 человека в каждом всегда и всякий в новом полушубке, в новой теплой обуви, в чистом белье, с аптекою, кухнею, провизиею на два или на три дня, посуду, госпитальную прислугу, фельдшером, медиком и офицером, которые все следуют с транспортом до самого Николаева... Сухопутные отправляются на открытых телегах по 6 человек на каждой, в обыкновенных, следовательно изношенных

шинелях, даже с амунициею, без медика и без тех средств, коими снабжаются наши транспорты»... [10, л 51].

Большое внимание организации транспортов уделял Н.И. Пирогов. Бакунина пишет: «Живо помню, как Николай Иванович Пирогов по несколько часов сряду простаивал при отправке транспортов, и как, несмотря на дождь, грязь и темноту, он всякий день ходил в лагерь больных...» [11, стр. 519].

Среди фамилий врачей, сопровождавших транспорты, встречаются имена врачей Севастопольского морского госпиталя. К обслуживанию транспортов были привлечены и медицинские сестры. В «Историческом обзоре действий Крестовоздвиженской общины» Пирогов указывал: «Необходимость и несомненная польза этого учреждения уже оправдывается теперь на деле... Уже шесть раз сестры провожали более значительные из транспортов и преимущественно раненых и ампутированных»... [5, стр. 190]. Организация транспортировки подробно описана Е.Бакуниной. Поручая ей это трудное дело, Пирогов дал ей письменную инструкцию, определяющую круг вопросов, которые интересовали его. Вот этот интересный документ:

- «1. В какой мере возможна перевязка раненых на этапах и сколько, примерно, нужно сестер на каждую сотню раненных?
 2. Каким образом утоляется жажда раненых на пути и снабжены ли они или сопровождающие транспорт средствами, необходимыми для этой цели?
 3. Выдаются ли раненым, кроме их шинелей, еще каждому одеяло или халат, или же (трудно-больным) полушубок?
 4. Как готовится пища на этапах и возможно ли снабдить этап теплыми напитками в холодное время?
 5. Осматривают ли транспорт, растянутый иногда на целую версту и более от одного этапа до другого, врачи или фельдшера?
 6. Соблюдается ли порядок, назначенный в снабжении больных пищею, т.е. кормят ли их на тех этапах, где изготовлено должно быть для этой цели?
- Н. Пирогов Бахчисарай, 15-го сентября 1855 г.» [11, стр. 521].

Видимо не всегда транспортировка больших партий раненых проходила гладко. Вот что записано в «воспоминаниях одного раненого, отправившегося в путь индивидуальным порядком: «... на шестой день дороги, под вечер, приехали мы на жидовский постоялый двор, там же располагалась партия раненых, человек в 400... иду в комнату, где сидели сопровождающие партию доктор и офицер, и прошу их дать мне ложку касторового масла; офицер призывает фельдшера и приказывает дать мне просимого. Фельдшер отвечает: «никак нет, все масло вышло». Тогда я прошу хоть ложку английской соли: фельдшер отвечает: «никак нет, все соль вышла»,... у нас нет не только никаких лекарств, но и никаких перевязочных средств, ... у раненых — обмоют рану водой, у кого

есть своя ветошь, то ею обвяжут, а то другой и рогожей завяжет рану» [12, стр. 35–52].

Не случайно у Е.Бакуниной вырвались горькие слова: «Умерших мы можем оставлять, но умирающих должны везти. Сердце ноет, как об этом подумаешь...» [11, стр. 548].

Зная все трудности на путях эвакуации, Мансуров отмечает, что когда «... нашему медицинскому управлению даны были средства перевезти разом 2000 больных... Медики отвечали или тем, что они опасаются за исход пути на здоровье большей части больных, или тем, что многих отправлять не следует по легкости недуга, или наконец, требовали формального предписания отправить всех больных..., так чтобы снять с них всякую ответственность за судьбу их во время дороги...» [8, № 412].

Опасения госпитальных медиков были обоснованы. Тысячи людей предстояло провезти путем, который в зимних условиях и для здоровых был труден из-за бездорожья, отсутствия пунктов ночлега и питания, недостаточного количества лошадей и т.д. Мансуров понимал серьезность возражений и писал в том же рапорте: «... Что можно было отвечать на такие возражения? Существо оных доказывало только добросовестность и сознание той ответственности, которую врачи должны нести, честности их можно было только рукоплескать, ибо они добровольно удаляли от себя же возможность избавиться от огня; с их точки зрения, коль скоро госпиталь по высшему распоряжению поставлен в пределах огня».

Таким образом эта, не последняя страница в истории медицинской службы обороняющегося города, была написана совместными усилиями П.С. Нахимова, Н.И. Пирогова и других врачей, в первую очередь — морских, сосредоточенных тогда, после затопления кораблей или превращения их в плавучие лазареты, в Севастопольский морской госпиталь. Касаясь роли Пирогова в устранении неисчислимых неполадок медицинской службы, не лишне привести характеристику официального отчета: «... Лучшее ружье в предупреждении неустройства и недостатков заключается в прибытии на место военных действий профессора Пирогова, которому лучше всех известна была слабая сторона всего госпитального управления в течение Крымской компании...» [13, стр. 100].

Наиболее активные боевые действия происходили весной 1855 года, шел постоянный обстрел оборонительных сооружений Севастополя. Раненых было много. Помимо непосредственного оказания хирургической помощи раненым, Пирогов много занимался организацией сортировки и эвакуацией раненых в тыловые госпитали на территории Крыма и далее в Херсонскую область. Видя большие недостатки в организации оказания медицинской помощи раненым и больным, Пирогов составляет докладную записку с надеждой донести реальное положение дел в осажденном Севастополе до высших чинов в столице Российской империи. В июне 1855 года, получив от высшего командования разрешение на выезд, Н.И. Пирогов убывает в Санкт-Петербург. С большим трепетом

и волнением дома его встречает жена и двое сыновей. Какое-то время Пирогов проводит с семьей, однако вскоре, несмотря на сопротивление жены, принимает решение опять вернуться в Севастополь. Благодаря помощи Великой княгини Елены Павловны, Пирогову, как преданному своему отечеству медику, было разрешено вновь вернуться в Севастополь.

В сентябре 1855 года Пирогов вместе с новой группой молодых врачей и отрядом сестер милосердия выехал в Крым. В составе группы врачей был и будущий основоположник военно-полевой терапии, подающий надежды Сергей Петрович Боткин. Не добравшись до Севастополя, Пирогов узнаёт печальную весть о том, что враг, предприняв очередную попытку штурма, захватил южную основную часть города. Это была большая потеря и горе для русской армии, командовал которой на тот момент князь Горчаков.

По прибытии в полевую госпиталь, развернутый в Бельбекской долине, Пирогов продолжает много работать и оперировать. Немало усилий он отводит решению вопросов сортировки и транспортировки раненых в тыловые госпитали, пытаясь перераспределить и облегчить огромную нагрузку, приходящуюся на медицинский персонал полевых госпиталей, расположенных на передовых позициях. Вскоре, с наступлением первых холодов, в октябре 1855 года Пирогов переезжает в Симферополь, где продолжает самоотверженно оказывать помощь раненым и больным.

Развернутые боевые действия и мощное сопротивление защитников Севастополя неминуемо сопровождалось огромными людскими потерями как с одной стороны, так и с другой. Ресурсы воюющих армий истоща-

лись, кроме того, изменилась и политическая ситуация в стране. После смерти царя Николая I престол Российской империи принял Александр II. На фоне этих событий военные действия в Крыму постепенно начали затихать. В декабре 1855 года, занимаясь решением многочисленных вопросов организации медицинской помощи, Пирогов из Симферополя отправляется в Москву по путям эвакуации раненых. В начале 1856 года после посещения госпиталей Перекопа, Херсона, Николаева и заезда в Москву Н.И. Пирогов вернулся в Санкт-Петербург.

Вот такая, достаточно непродолжительная по времени и при этом столь яркая и значимая, оказалась страница в биографии великого хирурга Н.И. Пирогова, которую историки прозвали «Севастопольским периодом жизни».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов (The authors declare no conflict of interest).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Пирогов Н.И. *Севастопольские письма и воспоминания*. — М.: Академия Наук; 1950. [Pirogov NI. *Sevastopol'skie pis'ma i vospominaniya*. Moscow: Akademiya Nauk; 1950. (In Russ).]
2. Пирогов Н.И. *Начало общей военно-полевой хирургии*. Ч. 2. — М.: Медгиз; 1944. [Pirogov NI. *Nachalo obshchei voenno-polevoi khirurgii*. Part 2. Moscow: Medgiz; 1944. (In Russ).]
3. Соловьев Н.О. О перевязочных пунктах Севастополя // *Русский вестник*. — 1872. — № 6. [Solov'ev NO. O perevyazochnykh punktakh Sevastopolya. *Russkii vestnik*. 1872;(6). (In Russ).]
4. Ивашев Н.Н. Сестры милосердия в русской армии // *Военно-медицинский журнал*. — 1945. — №2. [Ivashev NN. *Sestry miloserdiya v russkoi armii*. *Voенно-meditsinskii zhurnal*. 1945;(2). (In Russ).]
5. Пирогов Н.И. *Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины с 1.12.1854 г. по 1.12.1855 г.* // *Морской сборник*. — 1856. — №4. [Pirogov NI. *Istoricheskii obzor deistvii Krestovozdvizhenskoj obshchiny s 1.12.1854 g. po 1.12.1855 g.* *Morskoi sbornik*. 1856;(4). (In Russ).]
6. Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 годы) // *Вестник Европы*. — 1898. — Т.2. — №6. [Bakunina EM. *Vospominaniya sestry miloserdiya Krestovozdvizhenskoj obshchiny (1854-1860 gody)*. *Vestnik Evropy*. 1898;2(6). (In Russ).]
7. Пирогова Н.И. *Начало общей военно-полевой хирургии*. Ч. 1. — М.: Медгиз; 1941. [Pirogova NI. *Nachalo obshchei voenno-polevoi khirurgii*. Part 1. Moscow: Medgiz; 1941. (In Russ).]
8. Нахимов П.С. *Документы и материалы*. — М.; 1954. — 412 с. [Nakhimov PS. *Dokumenty i materialy*. Moscow; 1954. 412 p. (In Russ).]
9. Пирогова Н.И. Неопубликованное Севастопольское письмо Н.И. Пирогова // *Военно-медицинский журнал*. — 1959. — №11. [Pirogova NI. *Neopublikovannoe Sevastopol'skoe pis'mo N.I. Pirogova*. *Voенно-meditsinskii zhurnal*. 1959;(11). (In Russ).]
10. Мансуров П.Б. Рапорт [интернет]. Центральный Государственный архив ВМФ, фонд 1102, оп. 1. [Mansurov PB. *Raport* [internet]. Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv VMF, fond 1102, op. 1. (In Russ).] Доступ по https://rgavmf.ru/sites/default/files/opis_pdf/1102_1_full.pdf.
11. Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 годы) // *Вестник Европы*. — 1898. — Т.2. — №6. [Bakunina EM. *Vospominaniya sestry miloserdiya Krestovozdvizhenskoj obshchiny (1854-1860 gody)*. *Vestnik Evropy*. 1898;2(6). (In Russ).]
12. Скаловский М.И. Воспоминания о Черноморском флоте (1851-1854 годы) // *Морской сборник*. — 1901. — № 12. [Skalovskii MI. *Vospominaniya o Chernomorskom flote (1851-1854 gody)*. *Morskoi sbornik*. 1901;(12). (In Russ).]
13. Официальный отчет // *Морской сборник*. — 1855. — №11. [Ofitsial'nyi otchet. *Morskoi sbornik*. 1855;(11). (In Russ).]